

Частный детектив
Татьяна Ивановна

МАРИНА СЕРОВА

Утраченный
рай

Повесть

Душа в черной
маске

Повесть

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Душа в черной маске

«Научная книга»

Серова М. С.

Душа в черной маске / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Нелепая, загадочная смерть студентки Маши Гавриловой повергла в шок ее знакомых. Друзья, родственники, педагоги, соседи – все недоумевают. Кому помешала положительная во всех отношениях девушка? Училась на «отлично», сомнительных связей не имела, умница, красавица... А вдруг кто-то из Машиных знакомых только разыгрывает скорбь? У частного детектива Татьяны Ивановой есть некоторые подозрения на этот счет. Однако убийца слишком уверен в своей безнаказанности и очень хорошо замаскировался...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Серова

Душа в черной маске

Глава 1

В то осеннее утро и настроение мое было под стать этому самому утру, совсем не похожее на конец октября: ясное, сухое, солнечное... Давненько я не помнила такой славной осени, столь долго затянувшегося тепла. Природа словно компенсировала холодную и слякотную весну. «А октябрь-то, пожалуй, получше апреля выдался!» – подумала я.

И правда, за город, например, этой осенью я выезжала с компаниями друзей куда чаще, чем весной. Лето, правда, было ничего себе, но если уж и лето станет прохладным и дождливым, то лучше уж переселиться куда-нибудь в Скандинавию – по крайней мере не так обидно.

А обидно мне было за то, что сегодня меня ни свет ни заря разбудил телефонный звонок. И ладно бы звонили по делу, а то банально ошиблись номером. И это в шесть часов утра! Едва заставив себя вежливо пробормотать «вы не туда попали», я собралась было снова завалиться в постель, однако сон как рукой сняло. Поворочавшись минут пятнадцать, я со вздохом отправилась варить себе кофе. После чашки своего любимого напитка я почувствовала себя совершенно проснувшейся и бодрой. Ни о каком сне я уже и не мечтала, а хотелось мне весело и радостно провести сегодняшний день.

Но, как назло, никаких встреч и приглашений на загородные мероприятия на сегодня намечено не было, а обзванивать друзей и приятелей в начале седьмого и предлагать поехать куда-нибудь развеяться было бы чересчур. Тем более что сегодня как-никак понедельник, рабочий день для большинства людей. Это у меня выходной – я только что завершила очередное расследование и могла с чистой совестью отдыхать хоть целый месяц, тем более что полученный гонорар вполне это позволял. Однако и сидеть дома в такую погоду казалось мне просто преступлением: а вдруг это последний теплый день в этом году? В самом деле, на термометре +18! И это в такую рань! И это после того, как я половину вчерашнего дня провела в салоне красоты, где воспользовалась почти всеми предлагаемыми услугами, кроме процедур по омоложению – ведь в этом я пока, слава богу, не нуждаюсь.

Зато теперь у меня новая прическа, свежий цвет лица, ровный загар и французский маникюр – длинные ногти все равно не для моей специфической работы.

Одним словом, я была полностью довольна своей внешностью и решила не упускать возможности насладиться теплыми деньками. Но что можно предпринять, когда на часах всего половина седьмого утра? Ответ напротился очень быстро: нужно просто-напросто обратиться к своим излюбленным помощникам – двенадцатигранным косточкам, которые обладают уникальной способностью предсказывать будущее и помогать мне абсолютно во всех делах. Не верите? А вот я верю и уже много лет пользуюсь ими, и они еще ни разу меня не подводили. Я быстренько достала кости из замшевого мешочка и небрежным движением метнула их.

7+36+17 – пока вы медлите, будущие удачи могут пострадать, а тайные замыслы врагов наберут силу.

Вот это да! Вообще-то в данный момент я и не предполагала, что у меня имеются враги с тайными замыслами. Конечно, за долгие годы моей специфической работы я нажила немало недоброжелателей, но представить, что они вдруг активизировались в этот момент... Это было бы по меньшей мере нелогично.

Но одно мне было ясно: кости советуют мне не задерживаться дома, а отправляться... А вот куда отправляться, они не указали. Но главный смысл их предсказания, мне кажется, я поняла правильно, даром же столько времени пользовалась их услугами.

Итак, выбор сделан. Я решительно, невзирая на здравый смысл, шагнула к своему шкафу и через пять минут была готова к выходу из дома. Ничего особенного я не предпринимала: хотела просто покататься по городу, проехать на набережную, немного погулять там, любуясь Волгой, которая уже очень скоро, к сожалению, покроется льдом на долгие месяцы, затем посетить какое-нибудь кафе и позавтракать, а дальше... Дальше будет видно.

И собралась я соответственно подобному мероприятию: темно-голубой свитер, простой, но элегантный, обтягивающие черные вельветовые брюки, цепочка на шее, легкий макияж, пара капелек «Живанши»... Словом, просто, но со вкусом. Моя любимая, уже старенькая, но вполне надежная «девятка» завелась, что называется, с полоборота. Крутанув руль, я выехала на центральную улицу и, включив магнитофон, помчалась вперед. Нарочито веселый с утра голос радиоведущего обещал, что хорошая погода продлится еще как минимум пять дней, его приподнятое настроение полностью совпадало с моим, и я, довольная и собой, и окружающим миром, неслась вперед. Впрочем, через пару кварталов я все же притормозила, ибо, несмотря на малое количество машин в этот час и, следовательно, свободный путь, спешить мне было некуда.

Надо заметить, притормозила я еще и потому, что заметила толпу народа у одной из девятиэтажек. И, судя по тому, как столпившиеся люди озабоченно качали головами, я сделала вывод, что произошло нечто из ряда вон выходящее.

Я уже не задумывалась над тем, что делать дальше: подъехала ближе, припарковалась прямо во дворе и вклинилась в толпу.

Никто не обратил на меня особого внимания.

– Да что там говорить! – эмоционально возмущалась крупная женщина лет под пятьдесят. – Натешился – и до свидания! Надоела она ему, вот и вышвырнул из окна! Господи!

И женщина поспешно и несколько неуклюже перекрестилась. Я подошла поближе и только тут заметила распростертое на земле тело молодой девушки. Собственно, лица ее не было видно, поскольку лежала она на животе. Черные как смоль волосы длинными и густыми спиральками рассыпались по спине. Левая рука вывернута, голые ноги раскинуты в стороны...

Здесь же работала милицейская группа. Никого из знакомых я не увидела, но это меня не остановило. Я решительно вклинилась в толпу.

– Вам чего? – хмуро осведомился молодой сержант.

– Я просто хотела узнать, что здесь произошло.

– А вы кто? – Во взгляде сержанта появилось подозрение.

– Вот, – вместо ответа я протянула свою лицензию частного детектива.

– И что? – не очень-то внимательно изучив ее, уточнил парень, возвращая мне документ.

– А то, что я хочу знать, что здесь произошло, – повторила я. – В принципе я могла бы обратиться за помощью к кому-нибудь из своих друзей в милиции, а их, поверьте, у меня немало. Но пока не вижу в этом необходимости.

Сержант кивнул.

– Разберемся, – бесстрастно произнес второй страж порядка, призывая меня отойти и не мешать «следственным действиям».

Я и отошла. Собственно, никакого особого желания вклиниться в процесс у меня и не было. Так, рефлекс, не более того.

Но тут я поймала на себе чей-то пристальный взгляд.

Обернувшись, я увидела, что прямо на меня смотрят два темно-карих глаза-жучка. Они принадлежали пожилому человеку с залысинами. Он был невысок и выглядел довольно неказисто, в стареньком пиджачке, но в его облике читалось некое благородство. Благородство со старомодным оттенком.

– А вы, девушка, смотрите, смотрите, – кивнул он в сторону трупa, обращаясь явно ко мне.

– Зачем? – тут же отреагировала я.

Мужчина, которого пытались заслонить от меня две любопытные женщины, решительно отодвинул их руками и протиснулся ко мне.

– Дайте мне пройти к девушке!

Наконец мужчина оказался рядом со мной. Он взял меня за локоть и отвел в сторонку.

– Это все падение нравов виновато, – произнес незнакомец, когда мы оказались чуть в стороне от толпы.

Я уже начала жалеть, что остановила свою машину. Сейчас этот не вполне адекватный пожилой человек начнет мучить меня нравоучениями. Но нет, он сразу перешел к конкретике.

– А я знал эту девушку, знал! – с нажимом воскликнул мужчина. – Она жила в нашем подъезде. Между прочим, не пила и не курила и не шлялась где попало. И вот – результат! А моя соседка, законченная грешница, на прошлой неделе тоже выпала из окна, только с первого этажа, и хоть бы хны. А она была вдрызг пьяна и выпала из окна квартиры своего любовника! На следующий день... впрочем, нет, на последующий, – поправился мужчина, – она как ни в чем не бывало пошла на работу.

– Ну а эта девушка, – я кивнула в сторону погибшей, – вы ее хорошо знали?

– К сожалению, близко познакомиться нам не удалось, – с неким кокетством произнес мужчина. – Кстати, меня зовут Владимир. Владимир Николаевич Любимов. Я живу в этом же подъезде на втором этаже.

– Татьяна, – представилась я и достала сигареты.

– Вы курите, девушка? – вздернул брови Любимов.

– Ах да, вы же считаете это пороком, – криво ухмыльнулась я.

– Для женщины – да, – высокопарно ответил Любимов.

– Увы, но вы меня в этом смысле не переубедите, – вздохнула я.

Любимов повернул голову в сторону с таким видом, как будто я подло обманула его в самых лучших ожиданиях. Но через секунду снова уставился на меня своими карими глазами.

– Эта девушка жила одна? – спросила я.

– Одна. Она снимала квартиру, – с какими-то прокурорскими интонациями произнес Владимир Николаевич. Он как будто обвинял тех, по чьей милости у этой девушки не было своей жилплощади.

– И что, вы не в курсе, кто к ней приходил? – продолжила вяло я свой допрос, который вела скорее по инерции – смерть девушки, несмотря на весь трагизм ситуации, никак не касалась меня.

– Приходить – наверное, приходили... – проговорил тем временем Владимир Николаевич. – Но я же не торчу целый день на улице и не наблюдаю за подъездом. Хотя мог бы это делать, поскольку нахожусь на пенсии.

– Значит, не работаете, – констатировала я. – А девушка где-нибудь работала?

– Наверняка где-то работала. Но я не знаю где. Зато знаю, что Маша училась в педагогическом институте. Дополнительно изучала языки... Кстати, ее звали Маша Гаврилова. И она встречалась с парнем по имени Егор. Я его видел несколько раз. Но, – Любимов строго поднял указательный палец, – я никогда не замечал, чтобы он оставался у нее ночевать. Я же говорил, что ни в чем предосудительном Машу уличить не могу. И в том, что случилось, я вижу очень плохой знак. Я в настоящее время размышляю над судьбами современного мира и вижу, что главная наша проблема – отсутствие веры. Именно вера смогла бы развернуть сознание людей в том направлении, чтобы этот катаклизм, – Любимов еще раз кивнул в сторону собравшихся вокруг упавшей из окна девушки людей, – мы не наблюдали. Ни вы, ни они, – показал он неожиданно на двух любопытствующих кумушек, – и Владимир Николаевич тоже...

– Это вы про себя? – усмехнулась я.

– Да, про себя, – виновато опустил вдруг Любимов глаза. – Хотя это цитата из фильма «Кин-дза-дза». Смотрели?

– Когда-то давно, – махнула я рукой. – Кажется, про инопланетян что-то...

– Обязательно пересмотрите, – назидательно сказал Любимов. – Фильм не про инопланетян, а о падении нравов.

Я в этот момент докурила сигарету и ощутила, что меня, в сущности, мало что держит на месте происшествия. Любимов казался интересным собеседником, но максимум на полчаса. Если дольше – боюсь, будет надоедать. Погибшая Маша Гаврилова не была мне знакома. С просьбой о расследовании ее смерти ко мне тоже никто не обращался. И я сделала движение в сторону. Любимов схватил меня за рукав.

– А ведь вы не просто так здесь остановились. Вы шли... или ехали по совсем другим делам. И вдруг остановились. Почему?

– Чтобы познакомиться с вами, – улыбнулась я.

– Безусловно, лестно, – быстро ответил Любимов. – Но... Мне кажется, что совсем не поэтому.

– Да, вы правы, – согласилась я. – Профессиональный рефлекс. Я – частный детектив.

– Да что вы говорите! – ахнул Владимир Николаевич. – Хотя чему удивляться?! Частных детективов, тем более лиц женского пола, развелось предостаточно. Но, признаться, живьем вижу первый раз. Все как-то в книжках. Знаете, в метро сядешь и с Донцовой в руках поедешь. Так поедешь, что в депо приедешь...

– В нашем городе нет метро! – широко распахнула я глаза.

– А я цитирую свою супругу, – тут же нашелся Любимов. – Это она в обнимку с Донцовой едет с «Речного вокзала» до «Красногвардейской» и забывает выйти. Мы с ней разошлись, она живет в Москве, а я скромненько проживаю здесь. Хотя в столице жил довольно долго. Не люблю Москву. Там падение нравов даже более выражено, чем у нас.

– Ой, все это, конечно, интересно, Владимир Николаевич, – прервала я его, – но...

– Вам пора ехать, – закончил Любимов за меня.

– Так точно, – ответила я.

– Вот это правильный ответ! – вскричал мой новый знакомый. – По-военному четкий и ясный. Хотя я не одобряю женщин в армии. Это разлагает! Разлагает! Возьмите Израиль, возьмите Америку!

– Владимир Николаевич! – еще раз улыбнулась я.

– Хорошо, дайте мне свою визитку, – еще раз произвел неожиданный поворот в беседе Любимов. – По пустякам обязуюсь не беспокоить. К тому же мне кажется, к этому делу вы все равно вернетесь. Мне так кажется.

Непонятно, на каком слове был сделан акцент: на «мне» или «кажется», но почему-то прозвучало убедительно. Может, потому, что сама я была не чужда мистики, а мужчина по фамилии Любимов, заговоривший со мной, казался человеком, посланным сюда неспроста.

Я вынула визитку и протянула Любимову.

– Татьяна Иванова, – прочел он. – Если это псевдоним, я не удивлюсь. Безликая фамилия, хотя имя приятное.

Я была задета.

– Знаете, людей с вашим именем по всей России – тоже пруд пруди! Да и фамилия тоже не редкая. Во всяком случае, гораздо чаще встречается, чем, например, Либерзон!

– Ха-ха-ха, уделала старика, уделала! – рассмеялся Любимов, но тут же посерьезнел, потому что упавшую с балкона девушку накрыли простыней и понесли к машине «Скорой помощи». – Я вам позвоню, – сказал он на прощание траурным голосом и пошел к своему подъезду.

Мне ничего не оставалось, как тоже пойти восвояси – то бишь к своей машине. На Волгу я в тот день так и не поехала...

О Владимире Николаевиче мне пришлось вспомнить совсем скоро – на следующий день раздался телефонный звонок, и я сразу узнала голос.

– Татьяна, это Любимов, – представился Владимир Николаевич. – Я же говорил, что позвоню, и позвонил. Причем не просто так, а по делу.

– Выкладывайте.

– Выкладывать вам, думаю, будет одна дама, которая находится рядом со мной и жаждет заказать вам расследование. А дело то самое, печальное, при развязке которого мы и познакомились. Даму зовут Ирина Альбертовна Синявская, она несостоявшаяся свекровь погибшей. Машеньки Гавриловой...

– Вот как?

– Да, именно так. Хотя... – Любимов немного помялся. – В общем, вы сами с ней поговорите. Если, конечно, это дело вас интересует. В любом случае думаю, что вы не зря вчера остановились у нашего подъезда.

– Хорошо. Пусть приезжает ко мне, – проговорила я в трубку.

Любимов неожиданно замаялся, а потом, извинившись, передал трубку заказчице. Я услышала строгий и показавшийся мне несколько высокомерным женский голос:

– Татьяна, я, конечно, могу подъехать и к вам, но будет лучше, если вы примете мое предложение и приедете ко мне домой.

– Обычно я своих клиентов принимаю у себя, – возразила я.

– Но мой сын... Короче говоря, я не могу оставлять его одного надолго. Он в ужасном состоянии. Я должна ехать домой. И вас очень прошу – подъезжайте туда и вы.

Я немного помолчала, а потом сказала:

– Хорошо, диктуйте адрес.

Ирина Альбертовна Синявская – именно так звали мою клиентку – жила в элитном доме недалеко от набережной Волги. К тому моменту, как я переступила порог ее квартиры, я знала только то, что ее сын Егор встречался с девушкой, которую обнаружили упавшей с балкона девятиэтажки, где проживает среди прочих Владимир Николаевич Любимов. И что мать сама приехала на место происшествия, как только узнала о случившемся. И там, что как раз было совершенно неудивительно, попала на глаза Любимову. Тот сумел быстро разговорить ее и рассказать обо мне. Она тут же согласилась, что мои услуги частного детектива будут совершенно нелишними, и Владимир Николаевич набрал номер моего телефона.

Из всего выходило, что знакомство мое с Любимовым однозначно было неспроста. Даже если мы с ним больше никогда не увидимся и не услышимся. Получалось, что он «подкинул» мне клиента. А точнее – клиентку.

– Не нужно, чтобы Егор раньше времени знал о вашем визите, – шепнула мне Синявская. – Он в жутком состоянии, а я еще не знаю, чем закончится наш с вами разговор...

Я кивнула, разулась, и Ирина Альбертовна провела меня в свою комнату, плотно прикрыв дверь.

– Присаживайтесь, – указала она на одно из дорогих мягких кресел с красивым орнаментом бирюзового на темно-синем.

Большое пушистое покрывало, лежавшее на широкой кровати, было выполнено в тех же тонах, равно как и полог над ней.

Эта комната, по всей видимости, была спальней Ирины Альбертовны и ее мужа.

– Ужасно, – пробормотала Ирина Альбертовна, устраиваясь напротив меня.

– Вы успокойтесь, – сказала я. – Возьмите себя в руки и расскажите по порядку все, что собирались.

– Хорошо, – кивнула Ирина Альбертовна. – Вы уже поняли, что Маши больше нет в живых, и теперь я должна рассказать, как это произошло.

Я кивнула.

– Конечно, лучше меня об этом мог бы рассказать Егор, – покосившись на дверь, проговорила расстроенная мать. – Но он сейчас просто совершенно убитый, и я даже боюсь его трогать.

– Я слушаю, – сказала я.

– Вчера утром он позвонил Маше, – со вздохом начала Ирина Альбертовна. – Потом положил трубку и... Он повернулся ко мне, у него был такой перепуганный вид, просто жутко! Лицо бледное, губы дрожат. Я сама испугалась, подлетела к нему, спрашиваю – что случилось? А он молчал-молчал минуты две, наверное, а потом поговорит: «Маша умерла». И снова сидит как каменный. Я ахнула, конечно, стала спрашивать, что там и как, но он только сказал, что трубку взяла какая-то девушка и сообщила, что Маши больше нет. Потом Егор кинулся к двери, начал собираться, я пыталась его остановить, но бесполезно! Он ушел и отсутствовал часа полтора. Потом вернулся весь поникший и сразу направился к себе в комнату. Я пошла за ним следом, опять стала спрашивать, что произошло. Он сказал только, что Машу нашли мертвой под балконом дома, где она жила. Сестренка взяла трубку. У нее, оказывается, жила сестра. – Ирина Альбертовна расстроено махнула рукой и отвернулась. Она некоторое время молчала, потом продолжила: – Там уже побывала милиция. Вы, кажется, об этом знаете? Этот, как его... Владимир Николаевич что-то говорил об этом... У меня в голове все перепуталось! Слава богу, что не стали трепать моему мальчишке нервы, а ему и так сейчас тяжело. Я боюсь, что они и сюда придут! Этого еще не хватало! Что Егор может им сказать? Он сам просто в депрессию впал от такого известия!

– А поподробнее можно, Ирина Альбертовна? – перебила я ее. – Что все-таки установила милиция?

– Да этого я не знаю совершенно! – Синявская снова махнула рукой. – Под утро пришла сестра – я, кстати, не знаю, почему она отсутствовала всю ночь, все странно как-то, – а там полно соседей, кто-то уже вызвал милицию и «Скорую», вот, собственно, и все, что мне рассказал сын. Он ведь и сам ничего не знает. А то, что рассказал тот мужчина – ну, Владимир Николаевич, тоже мало что прояснило.

Выходило, что Машу кто-то выкинул из окна. Ужас какой-то!

– И что же вы хотите? – задала я самый главный для себя сейчас вопрос.

– Что я хочу? – Ирина Альбертовна подергала плечами. – Ну, я хотела бы попросить вас... Не знаю, уместно ли это, или вообще игра не стоит свеч, но... Думаю, что нужно установить, кто убил девушку моего сына. Вы знаете, Татьяна, – задумчиво продолжала она, – я не очень-то доверяла этой девушке...

– Почему? – удивилась я.

Синявская замялась.

– Да, собственно, у меня не было для этого оснований, – нехотя признала она. – Просто, понимаете... Она была не нашего круга, как говорится. Какая-то простая деревенская девочка, которая неизвестно каким чудом поступила в тарасовский институт...

Похоже, Ирина Альбертовна искренне считала, что «простая деревенская девочка» своими силами не сможет поступить в институт, что такие вопросы решаются только с помощью денег. Или она просто притворялась?

– А сейчас мне даже как-то неловко за то, что я так относилась к Маше, – продолжала тем временем Синявская. – Мне почему-то кажется, что теперь она обо всем этом знает и смотрит на меня с упреком... – Ирина Альбертовна перешла на шепот: – Я словно даже ее взгляд чув-

ствую. Чуть какая, ерунда! Господи, я ведь никогда не была суеверна, никогда не страдала никакими предрассудками и не верила в мистику! А теперь просто вот словно что-то нашло. Я себя в какой-то степени чувствую виноватой перед этой девочкой. Ну, за то, что пыталась отговорить Егора с ней встречаться... – Ирина Альбертовна взяла себя в руки и продолжила обычным деловым тоном: – Это касается моего сына. Мертвым, как говорится, лежать спокойно, а живым жить. И желательнее тоже спокойно. Я, конечно, понимаю, что Егору сейчас ничем и никем Машу не заменить – для этого нужно время. Но я считаю себя обязанной сделать хоть что-то, чтобы облегчить состояние Егора. И найти убийцу Маши кажется мне очень хорошим средством. Пусть мальчик хоть немного успокоится, если будет знать, что этот человек наказан. Потому я и обращаюсь к вам, Татьяна.

Повода отказываться от дела у меня не было, и я ответила согласием, только уточнила:

– Егор знает о том, что вы обратились ко мне?

– Нет, что вы! Это ему от меня как бы... Как бы подарок, – сказала Ирина Альбертовна и несколько смутилась от такой формулировки. – И лучше, чтобы и дальше не знал. Я не хочу ничем его тревожить, я вообще волнуюсь за его состояние. Он сидит один в своей комнате, смотрит фотографии Маши, ничего не ест...

– Но вы же понимаете, что если я возьмусь за это дело, то мне так или иначе придется познакомиться с вашим сыном, – заметила я. – Мне нужно будет задать ему целый ряд вопросов. Если вы категорически против того, чтобы я его тревожила, извините, но я вынуждена буду отказаться от расследования.

Ирина Альбертовна задумалась.

– Но, может быть... можно как-то обойтись без его участия? – нерешительно спросила она. – Ведь он и сам ничего не знает о том, что там случилось.

– О том, что там случилось, я узнаю у других людей, – ответила я. – В той же милиции запрошу материалы дела. Мне нужно поговорить с Егором на другие темы. Ведь они встречались практически каждый день, так что он может дать сведения об окружении Маши, ее привычках, характере, может быть, каких-то секретах. Так что этот разговор необходим.

– Ну хорошо, – вздохнула Синявская. – Мне, наверное, нужно посоветоваться с мужем.

– Советуйтесь, – пожала я плечами.

– Сейчас я его позову.

Ирина Альбертовна поднялась и вышла из комнаты. Вскоре она вернулась вместе с мужчиной лет сорока двух – сорока трех, худощавым, в очках, довольно импозантного вида. Мужчина вежливо поздоровался со мной, назвавшись Анатолием Евгеньевичем, и перевел вопросительный взгляд на супругу.

– Вот, Толя, – начала Ирина Альбертовна, – я говорила тебе о Татьяне, теперь хочу попросить ее расследовать смерть Маши. Как ты на это смотришь?

Анатолий Евгеньевич пожал плечами.

– Решай сама, если так хочешь, – был его ответ. – Я не вижу, в чем проблема.

Видимо, Синявский привык к тому, что его супруга практически во всем принимает решения самостоятельно, а он просто оплачивает их издержки, и теперь обращение к нему за советом выглядит несколько нетипично.

– В чем проблема? – всплеснула руками Ирина Альбертовна. – Ну как в чем, конечно, в Егоре!

– А что такое? – флегматично поинтересовался Анатолий Евгеньевич.

– Но ведь Татьяне придется разговаривать с ним, беречь душу... А ты сам видел, в каком он состоянии!

– Но это естественно, – спокойно заметил супруг. – Произошло столь трагическое событие, к тому же совсем недавно. Конечно, он будет переживать. Но в конце концов все забудется, встанет на свои места... Что же теперь поделаешь!

– Как у тебя все просто! – с досадой отмахнулась Ирина Альбертовна. – Мы ведь только час назад говорили, что он ничего не должен знать о том, что я нанимала частного детектива!

– Да? – чуть удивившись, переспросил Синявский.

Вообще он выглядел так, словно его оторвали от какого-то интересного занятия – чтения газеты или просмотра футбольного матча – и он, хоть и терпеливо уделяет время возникшему вопросу, относится к нему как к пустяковому и с удовольствием вернулся бы к своим делам.

– Я не вижу ничего страшного, Ирина, – спокойно возразил Анатолий Евгеньевич. – В конце концов, если ты не хочешь, Егору можно представить Татьяну, скажем... Ну, сотрудником милиции, например. Как вам такой вариант?

– Милиции? – Синявская округлила глаза, после чего нахмурилась.

– Ну а что особенного? Его же так и так могут вызвать в милицию, верно? Он был близким другом этой девушки, так что, наверное, это неизбежно? Или нет? – И Синявский вопросительно посмотрел на меня. – Я, знаете ли, далек от юридических вопросов.

– Скорее всего, да, – подтвердила я. – Только его могут и не вызвать, а прийти сами. Сюда или в институт, например.

– Ой, еще в институт! – хлопнула себя ладонями по бедрам Ирина Альбертовна. – Нет уж, пускай лучше здесь... Значит, вот что, Татьяна, – голос женщины зазвучал твердо, видимо, она приняла решение, – беседуйте с Егором обо всем, что вам нужно. Якобы вы из милиции. А после этого, может быть, вы попросите в милиции, чтобы они уж не трогали его? Ведь вы сами все узнаете, сможете им передать... Вы же сами говорили, что все равно обратитесь в милицию.

– Ну, тут я обещать ничего не могу, – развела я руками. – Если они сочтут нужным побеседовать с вашим сыном сами, то запретить я не смогу.

Ирина Альбертовна с досадой поморщилась.

– Господи, мы ведь все знаем, как работает наша милиция! – вздохнула она. – Ладно, скажите, что вы детектив, – согласилась она.

– Ну что, Ирина, инцидент исчерпан? – посмотрел на Синявскую супруг.

– Да-да, можешь идти! – рассеянно кивнула Ирина Альбертовна, и муж покинул комнату. – Пойдемте, я проведу вас к Егору, – со вздохом проговорила она. – Только я уж прошу помягче с ним. Он вообще у нас очень впечатлительный.

Я ничего не ответила на это и прошествовала за Ириной Альбертовной по коридору. Через открытую дверь я увидела Анатолия Евгеньевича, который действительно сидел в зале с газетой в руках и тянул из бокала сок. В дальнейшие события он предпочитал явно не вмешиваться.

Ирина Альбертовна, подойдя на цыпочках к самой дальней комнате, остановилась и прислушалась. Из-за двери не доносилось ни звука. Женщина покачала головой и осторожно постучала. Никто не отозвался.

– Гора, – ласково проговорила мать, – можно к тебе?

Меня, честно говоря, начали раздражать подобные церемонии.

Понятно, что парень расстроен, и я готова была ему от души посочувствовать, но не сюсюкать же теперь с ним, как с маленьким ребенком!

Из-за двери по-прежнему никто не отзывался, и Ирина Альбертовна нажала на ручку. Она заглянула в комнату, потом повернулась ко мне и покачала головой. Я выглянула из-за ее плеча и увидела, что на диване, отвернувшись к стене, лежит парень в джинсах и тонком сером пуловере. Егор не повернул головы, но я услышала его глухой голос, обращенный к матери:

– Ты что хотела?

– Гора, тут к тебе пришли... – начала мать. – Нужно поговорить, это совсем ненадолго.

Егор наконец-то медленно повернул голову. Светлые волосы, голубые доверчивые глаза, немного детское миловидное лицо.

Только сейчас веки Егора были воспалены, и во всем облике чувствовалась усталость. Он сел на кровати, потер голову, взъерошив волосы, потом посмотрел на меня и спросил:

– Вы кто?

– Татьяна Александровна расследует смерть Маши, ей просто нужно уточнить ряд вопросов, – вылезла Ирина Альбертовна.

– Хорошо, – помолчав, кивнул Егор. – А как вы меня нашли, кто вам сказал адрес?

– Сестра Маши, – вынуждена была соврать я, подстраиваясь под правила игры, навязанной Ириной Альбертовной.

Егор удивленно вскинул брови и чуть пожал плечами, покивал головой, потом показал рукой на стул возле большого письменного стола с компьютером:

– Садитесь.

Ирина Альбертовна, сделав мне несколько знаков, означавших, видимо, напоминание о том, что я должна быть предельно осторожна и тактична, удалилась. Егор сидел, опустив плечи и уперев взгляд в стену. Я понимала, что парень сильно переживает, но ждать, когда он будет в состоянии нормально общаться, я не могла.

– Егор, – начала я, – расскажите, когда вы в последний раз виделись с Машей?

– Позавчера вечером, – механически ответил парень. – Мы были вместе часов до десяти, потом она пошла к себе домой, а я к себе. Все было нормально, как обычно. А вчера я позвонил ей и узнал, что... Что ее больше нет.

Егор устало потер лоб и снова уставился в стену. Я продолжила разговор. Спрашивать о том, что Егору рассказала сестра Маши, я посчитала сейчас нецелесообразным: парень отвечал односложно, так что наша беседа займет массу времени. К тому же узнать подробности я и в самом деле могу и не у него, сейчас важнее другое.

– Знаешь что, – предложила я, – давай пока я не стану задавать тебе вопросы, а ты просто мне расскажешь о Маше. Какая она была, что любила, с кем дружила, чем увлекалась...

Я вдруг поймала себя на мысли о том, что как-то спонтанно включилась в это дело, даже не узнав о том, что представляла собой главная «виновница» событий...

Егор молчал, нахмутив брови, долго смотрел на фотографию девушки, стоявшую рядом с компьютером. Потом наконец разжал губы и произнес:

– Она была лучше других.

– Лучше кого? – уточнила я.

– Лучше всех девушек, с которыми я когда-либо знакомился, Маша была самой лучшей. Поэтому мы и были вместе. Я знаю, что она не очень нравилась моей матери, но это ерунда, я не обращал внимания. Поэтому я сейчас не хочу разговаривать с матерью о Маше.

– Но ваша мама ничего плохого не говорила о ней, – мягко сказала я. – Так что не нужно таить обиду, вам сейчас это совсем ни к чему. Расскажите лучше, что Маша была за человек, что за друзья-приятели у нее были. Вы знали кого-то из них?

– Практически никого, – ответил Егор. – Да мне и неинтересно. Зачем мне ее друзья? Я предпочитал, чтобы мы встречались с ней вдвоем, без всяких там подружек «за компанию», как любят некоторые.

Егор презрительно фыркнул и поправил волосы.

– То есть вы вообще никого не знаете? – уточнила я.

– Да у Маши и не было, по-моему, близких друзей, – пожал он плечами. – Ну, в институте там однокурсницы... С ними она общалась, конечно, но, по-моему, в гости они к ней не ходили, и она к ним тоже. Маша вообще была очень занятым человеком. Она училась в педагогическом институте, занималась много, поэтому мы часто прощались рано по вечерам. Можно было бы и подольше, но ей было некогда. Она даже дополнительно занималась английским. Три дня в неделю ходила к своему преподавателю.

– Занималась дополнительно, говоришь? – заинтересовалась я. – А что за преподаватель, ты знаешь?

– Кажется, зовут его Антон Владимирович. Я запомнил, потому что Маша часто рассказывала о нем, говорила, что он очень толково все ей объясняет.

– А кто он, какого возраста, что за человек? – забросала я Егора вопросами.

– Ой, вот этого я не знаю, – покачал тот головой. – Я его не видел никогда.

– А где они занимались – дома, в институте?

– Там, где было свободно. Один раз я встречал Машу после занятий возле института, а как-то подходил к дому, где он живет. Это в районе вокзала, я могу объяснить, если вам нужно. Только зачем?

Он поднял на меня взгляд.

– Понимаешь, я же совсем не знаю Машу, – объяснила я. – Мне нужно знать ее привычки и образ жизни, понять, чем она жила. От этого во многом зависит успех расследования.

– А вы следователь? – спросил Егор.

– Я закончила юридический, – уклончиво ответила я.

Егор кивнул, словно ему показалась достаточной эта информация. Потом сказал:

– Она была очень хорошая. Я не знаю, кто мог ее убить и почему. Ее просто... не за что было убивать.

Егор сглотнул слюну, подбородок его скривился.

– Сколько ей было лет?

– Двадцать два. Она уже заканчивала институт, – глядя в стену, сказал Егор.

– Скажи, а с сестрой ее ты не встречался до сегодняшнего дня?

– Нет, – покачал головой Егор. – Я вообще удивился, когда узнал, что Маша жила с сестрой, Наташей. Наташа сказала, что приехала в Тарасов поступать в институт и поселилась у Маши. И что Маша не хотела, чтобы я об этом знал. Оказывается, она стеснялась того, что у нее бедная семья. Как будто для меня это было важно. Если бы она мне сказала, что теперь живет с сестрой, я бы все это нормально воспринял. Я, кстати, давно подозревал, что у Маши совсем не такая обеспеченная семья, как она пытается представить, но это все не имело значения. Я и не заговаривал с ней сам об этом, не расспрашивал – мне все равно, что у нее там за родители. А теперь... Теперь вообще все не имеет значения.

Егор обреченно махнул рукой и снова отвернулся к стене.

Выдержав паузу, я сказала:

– Получается, Маша общалась в основном с сестрой, с тобой и с неким Антоном Владимировичем, так? Не считая однокурсников.

– Так, – ответил Егор. – Поэтому я и говорю, что просто не представляю, кто мог ее убить. Она никогда не общалась ни с какими подозрительными личностями, ни о каких проблемах не рассказывала...

– А она нигде не подрабатывала? – спросила я.

– Да вроде нет, – пожал он плечами и вдруг повернул голову и в упор посмотрел на меня. – Это вам мать сказала?

– Что – это? – уточнила я.

– Что она... – Егор снова скривился и пошевелил пальцами в воздухе. – Мама неоднократно намекала мне, что Маша обманывает меня, что она... зарабатывает на жизнь проституцией. Но это все чушь! Просто мама судит со своей колокольни, мыслит стандартно: раз девчонка приехала из районного городка, значит, обязательно пойдет на панель, чтобы себя содержать. Но я-то знаю Машу! Знал... – тихо поправился он. – Любой, кто знал Машу хорошо, поймет, какая это глупость – подозревать ее в подобных вещах. Я же говорю, она была лучше всех.

«Похоже, мальчик – идеалист», – подумала я.

– Ты успокойся, пожалуйста, – попросила я разволновавшегося парня. – Это все сейчас уже не имеет значения. Сейчас главное установить, кто ее убил.

Егор тут же перестал сокрушаться, застыл на какое-то время, а потом выдохнул:

– Я уже говорил, что не представляю этого. Я не знаю.

– Это я уже поняла. И узнаю я это сама. А ты мне скажи вот что: в каком Маша была настроении в тот последний день, когда вы с ней встречались? И, кстати, чем вы занимались?

– Да как обычно, погуляли и пошли в кафе. Посидели там часа полтора, потом я ее проводил и пошел к себе. Я хотел еще к ней зайти, а она... В общем, сказала, что занята сегодня. А в настроении была она в самом обычном, – развел руками парень. – Как всегда, веселая, шутила, смеялась...

– Никакой озабоченности, грусти ты в ней не заметил?

– Абсолютно, – твердо ответил Егор. – Все было как всегда. Знаете, мы с ней даже никогда не ссорились. Я просто не представлял себе, из-за чего с ней можно поссориться. Маша умела очень хорошо сглаживать любой намечающийся конфликт.

– А о своем родном городе, о жизни там она не рассказывала?

– Об Аткарске? Иногда рассказывала, – наморщив лоб, ответил парень. – Но... ничего такого, что было бы вам интересно. Ну, какие-то смешные случаи из детства, из школьной жизни... О том, как училась, как хотела переехать в Тарасов и поступить в институт.

– А какие-то друзья, которые остались там, – она поддерживала с ними отношения?

Егор удивленно посмотрел на меня.

– Да нет... По-моему, нет. Правда, она как-то говорила, что ей прислал письмо директор городского музея. Она очень уважительно о нем отзывалась. Я еще в шутку слегка приревновал ее, а она засмеялась и сказала, что ему уже за шестьдесят и что они относятся друг к другу как дед и внучка. А потом посерьезнела и добавила, что он святой человек. Да, она так и сказала – святой человек, – вдруг улыбнулся Егор в первый раз за все время нашей беседы. – Маша вообще хорошо относилась к людям, если ей кто-то был неприятен, она предпочитала не отзываться о нем никак.

«Прямо целая плеяда ангелов, – подумала я. – Девушка „лучше всех“, „святой“ старичок, мальчик-идеалист...»

– А как зовут директора музея, почему они поддерживали отношения? – спросила я вслух.

– Как его зовут, я не знаю, но Маша рассказывала, что он очень интересный человек и занимается коллекционированием чего-то там... – Егор неопределенно повертел ладонью. – Маша даже показывала мне старинную пудреницу, которую он ей подарил. Это было, еще когда я к ней приходил, когда еще Наташа не приехала.

– А когда он ей ее подарил? Он что, приезжал в Тарасов? – заинтересовалась я.

– Да нет, – чуть подумав, ответил Егор. – По-моему, не приезжал, иначе Маша бы сказала. Наверное, там еще подарил, в Аткарске.

Видимо, об этом старичке придется узнавать у других людей, близких Маше Гавриловой, – в частности, у ее сестренки. Да и вообще я ухватилась за него потому, что пока что мало набиралось в окружении Маши людей, с которыми она плотно общалась. А из тех, что набирались, убийца пока не вырисовывался. Главное, что я не видела никаких мотивов для этого. Ни у кого. Но посмотрим, что скажет мне сестра Наташа. Беседа с Егором – дело, конечно, нужное, но я уже поняла, что Маша, видимо, следуя традициям матери парня, относилась к нему трепетно и далеко не все рассказывала, особенно тщательно маскируя проблемы.

Следовательно, если и было в ее жизни что-то опасное, Егор вряд ли узнал бы об этом от нее самой. Мне нужно опрашивать других людей, чтобы продвинуться в расследовании.

Время было уже совсем позднее, почти двенадцать ночи, но я все равно решила проехать сейчас на квартиру к Маше Гавриловой и поговорить с ее сестрой, если, конечно, она еще там – квартира-то съемная.

Я попрощалась с Егором, в прихожей заверила его маму, что не нанесла своими вопросами мальчику никакой душевной травмы.

– Ой, я так волнуюсь! – прижала руки к груди Ирина Альбертовна. – Скажите, Татьяна, вы в состоянии найти того, кто ее убил?

– Я постараюсь, – ответила я то, что практически всегда отвечала в таких случаях. – Кстати, вы пойдете на похороны Маши?

Мой вопрос застал Ирину Альбертовну явно врасплох. Она растерялась, замолчала, потом стала разводить руками и наконец сказала:

– Но ведь мы... Мы даже не знаем, где они будут и когда... И потом, мы совершенно незнакомы с ее семьей, наверное, будет не совсем удобно вот так заявиться. И потом, для Егора это будет очень тяжело, мне, честно говоря, не хотелось бы, чтобы он там присутствовал. Одним словом, я еще не знаю, я посоветуюсь с мужем.

Я поняла, что ссылка на мужа – просто очередная отмазка со стороны Ирины Альбертовны, поскольку решение в этой ситуации будет принимать опять-таки она сама. Как бы ни старалась Ирина Альбертовна вести себя достойно по отношению к памяти Маши Гавриловой, все-таки она делала это не ради девушки, а ради своего сына и в своем поведении оставалась верна себе. Ей проще было бы откупиться, наняв частного детектива для расследования, чем пойти на ее похороны, а скорее всего, не пойти, а поехать, поскольку все это наверняка будет происходить в Аткарске, на родине Маши... Плюс знакомиться с родителями, малоинтересными для Ирины Альбертовны людьми, выносить слезы и стоны родни, а также видеть отчаяние Егора. Что ж, это была ее позиция. Я попрощалась с Синявской, обещав позвонить ей завтра же утром, и уехала.

Глава 2

Свет в окнах квартиры Маши горел. Поднявшись, я позвонила и вскоре услышала тихий, испуганный голосок:

– Кто?

– Простите, я занимаюсь расследованием смерти Маши, – вставая прямо напротив «глазка», сказала я максимально вежливо и доброжелательно, чтобы совсем не напугать девчонку – видимо, ту самую сестренку погибшей. – Мне нужно с вами поговорить.

Дверь открылась, и я увидела молоденькую девушку с хвостиком темных волос. В том, что это Наташа Гаврилова, сомневаться не приходилось: девчонка была удивительно похожа на Машу, какой я запомнила ее на фотографии в комнате Егора.

– Вас как зовут? – спросила я на всякий случай.

– Наташа, – тихо ответила девушка. – Проходите.

Взгляд у нее был покорный, и она с готовностью кивала головой, таким образом давая понять, что, безусловно, пойдет на разговор со мной. Видимо, за последний день она уже привыкла отвечать на вопросы милиции и не сомневалась, что я из этой же организации.

Я успокаивающе похлопала ее по плечу, села на диван и усадила девчонку рядом с собой. Она вздохнула и вопросительно уставилась на меня.

– Меня зовут Татьяна Александровна, – начала я. – Сразу хочу сказать – я занимаюсь расследованием смерти твоей сестры частным образом, по просьбе родителей Егора Синявского. Кстати, ты с ним знакома?

– Нет, – ответила Наташа, явно удивленная моим заявлением. – Но я много слышала о нем от Маши. А вчера он пришел, уже после того, как все случилось, я ему рассказала... Он так прислонился здесь к косяку лбом, – она показала на дверь из прихожей, – потом развернулся и выбежал отсюда. Видать, у него что-то в голове щелкнуло... В общем, в шоке он был. А вы, значит, не из милиции?

– Нет, я частный детектив, – еще раз пояснила я. – Но ты не волнуйся на мой счет, я закончила юридический институт, в милиции у меня много друзей, и я обязательно свяжусь с теми, кто расследует дело твоей сестры официально.

– У нас в городе точно нет частных детективов, – протянула Наташа и снова вздохнула, как будто сожалела о таком упущении. – Да, – продолжала она, покачивая головой. – Я и не думала, что родители Егора так... сделают.

– В смысле? – не поняла я.

– Ну, в смысле наймут вас. Маша говорила, что его мама не очень-то хорошо к ней относится. И Маша очень не хотела, чтобы там узнали, что она из простой семьи. Мне это, кстати, не нравилось! – повысила вдруг голос девчонка. – Мало ли кто откуда! У нас хорошая семья, между прочим! И мама и папа хорошие! И я... Она даже меня прятала, словно стыдилась.

Проговорив все это, Наташа вскинула голову и с вызовом посмотрела на меня.

– Никто вовсе не говорит, что вы плохие, – вставила я. – Маша, возможно, сама несколько сгущала краски?

Тон Наташи смягчился, но продолжала она все равно упрямо:

– Получается, что она нас стыдилась. И меня тоже. Я ее спрашивала, почему этот ее Егор к нам не приходит, а она сказала, что не нужно ему пока меня здесь видеть. Что он все поймет, и тогда у него дома могут быть неприятности из-за проблем Маши. Разве так можно?

– Можно как угодно, – улыбнулась я. – Но так, наверное, все-таки не нужно было делать. Просто, очевидно, Маша была убеждена, что так будет лучше. Но сейчас об этом не стоит говорить. Ты же понимаешь, что главное для меня – найти убийцу твоей сестры. Ты, наверное, и сама этого хочешь?

Наташа прижала руки к груди и горячо закивала:

– Да, конечно! Я просто... Не представляла даже... Частный детектив, надо же! Вот мама с папой-то удивятся!

– А кстати, когда они приедут? – спросила я.

– Сюда? Завтра... Вернее, приедет папа, ему нужно забрать Машу из... Из морга. И мы вместе поедem в Аткарск. А мама останется там готовиться к похоронам, они будут уже после-завтра. Я звонила родителям, все им рассказала... Это просто кошмарно!

Руки у Наташи задрожали, она стала судорожно тереть поясok халатика.

– Наташа, давай-ка все же ты успокоишься и постарайся ответить на мои вопросы, – попросила я. – Постарайся не думать о том, как все это печально и неприятно, хотя я и понимаю, насколько это трудно.

– Да, хорошо, – со вздохом согласилась девчонка.

– Твоя сестра, кроме того, что училась, больше ничем в городе не занималась? – спросила я, подозрительно взглянув на Наташу и памятуя о неясных догадках Ирины Альбертовны насчет «панели».

– В смысле? – испугалась Наташа.

– Ну, подрабатывала где-нибудь? Учти, лучше сейчас скажи правду, если будешь скрывать, все равно мы узнаем, – сознательно решила припугнуть ее я.

– А чего скрывать-то? – вспыхнула Наташа. – Да, она подрабатывала. Няней у богатых каких-то. Только Егору ничего не говорила, потому что... Ну, не знаю почему. Наверное, стыдно ей было.

– Няней, говоришь? – продолжала не доверять я. – А у кого?

– Не знаю я. У богатых людей... Вот и адрес их есть. – Наташа встала, подошла к столу, открыла ящик и достала оттуда бумажку с адресом. – Вот. – И протянула ее мне.

«Андрей, Марина», – прочитала я имена и написанный рядом адрес и убрала бумажку в свою сумку. «Похоже, что не врет», – отметила я про себя и порадовалась, что версия Ирины Альбертовны насчет проституции лопнула. А мнение Владимира Николаевича Любимова насчет «не пила, не курила», наоборот, вроде бы подтверждалось. – Расскажи, во сколько ты ушла из дома и что этому предшествовало? О чем вы говорили с сестрой, как она вела себя? – продолжила спрашивать я.

– Она вела себя странно, – откидывая челку со лба, медленно сказала Наташа. – Она сама попросила меня уйти.

– Вот как? – заметила я.

– Да, именно так. Хотя раньше никогда ничего подобного не было, и Маша даже просила меня поменьше выходить из дома – она переживала за меня. А тут...

– А почему она попросила тебя уйти? Она как-то объяснила это?

– Да, она сказала, что у нее намечается серьезный разговор и я буду только мешать.

– С кем разговор? – заинтересовалась я еще больше.

– Не знаю, вот этого она мне не сказала. Я еще спросила – с Егором, насчет свадьбы? Я думала, он ей предложение делать придет. А она отмахнулась и говорит – да нет, это совсем другие дела. Еще прикрикнула на меня – мол, у тебя одно на уме, одни глупости. Сопливая, говорит, а туда же! Вместо учебы, мол, о всякой ерунде думаешь, которая тебя не касается. – В голосе Наташи зазвучала обида. – А что я такого спросила? – продолжала она, разведя руками. – Маша сама мне говорила, что они разговаривали насчет свадьбы...

– То есть она так и не уточнила, с кем разговор и на какую тему? – спросила я.

– Нет, – покачала головой Наташа. – Я, честно говоря, надулась на нее немного, говорю – ну и пожалуйста, не больно-то мне и интересно! Пойду вот и до утра не вернусь!

Она сразу смягчилась, извиняться стала, денег мне сунула немного, говорит – в парк лучше сходи, там вроде какие-то аттракционы приехали новые, интересно. И в девять велела быть дома.

– А ты пришла во сколько?

– А я... Я уже под утро пришла, потому что... – Девчонка поежилась. – С парнями познакомилась, они меня к себе пригласили. Ну, я и согласилась... Хотела Маше отомстить. Вот дура! А под утро опомнилась, говорю – мне домой надо. Хорошо хоть, парни нормальные попались, не стали меня задерживать, даже до трамвая проводили. Ну и... В общем, я к подъезду подхожу, а тут толпа, и она... лежит, – Наташа заплакала.

– Успокойся, Наташа, успокойся, – заговорила я.

– Я все не думала, что она мертвая до конца, думала, что ее можно спасти... Но врач сказал, что она уже несколько часов назад умерла...

Мне пришлось дать девушке время на то, чтобы поплакать, вытереть слезы и немного успокоиться. Когда она убрала влажный платок, я продолжила:

– В квартире остались какие-то следы пребывания гостей? Ну, там, может, окурки в пепельнице, запах какой-нибудь парфюмерии, посуда на столе?

– Нет, – отрицательно покачала головой Наташа. – Ничего такого. Словно и не было у нее никого. Он как растворился, этот человек.

– Ну естественно, убив Машу, он не стал дожидаться, пока кто-нибудь явится, – невесело усмехнулась я. – Значит, ничего... А соседи что говорят? Что-нибудь видели, слышали?

– Не знаю, их вызывали понятиями, но я с ними не разговаривала, – развела руками Наташа. – С ними милиция беседовала. Но вы можете их спросить сами, это соседи из смежной квартиры, из девятнадцатой.

– Хорошо, я туда непременно загляну, – кивнула я. – И Маша даже не упомянула, с мужчиной она встречается или с женщиной? Этого из ее слов невозможно было понять?

Наташа наморщила лоб, потом твердо сказала:

– Нет, невозможно. Она ничем не намекнула, кто это и что за разговор.

– Наташа, а кто вообще приходил сюда к вам? С кем общалась твоя сестра?

– Ну, из тех, с кем она общалась, сюда почти никто не приходил, – ответила девушка. – В смысле ни Егор, ни какие-то ее подруги... Маша никого не приглашала. Была, правда, один раз какая-то подружка институтская, но она сама заявила. Мне она не понравилась, – Наташа скривила губки.

– Почему? – спросила я.

– Какая-то наглая, – нахмурившись, продолжала девчонка. – Пришла как к себе домой, развалилась в кресле и давай что-то там у Маши просить. Причем так нахально, как будто Маша ей обязана! Какие-то там курсовые, что ли... Потом стала в кафе ее звать, с полчаса уговаривала. Я видела, что Маше она тоже не по душе, и она в конце концов сказала, что ей нужно отлучиться по делам. Только тогда эта девица убралась.

– А что все-таки за девица?

– Регина ее звали, – с нескрываемой антипатией процедила Наташа. – Такая высокая, на лошадь похожа. Но одета хорошо, и сережки у нее дорогие были. И сумка красивая. В юбке кожаной она была.

– А она точно из института? – спросила я, поскольку это было для меня гораздо важнее, чем сумки-юбки.

– Да, потому что, когда она ушла, Маша говорила, что, мол, эта Регина не учит ничего, на занятиях сидит дуб дубом, а потом достает всех – напишите ей это, сделайте ей это... И еще говорила, что сама ей писала несколько раз курсовые, а теперь жалеет. Я еще спросила – а зачем писала? А Маша говорит – так она же деньги платила. Маше приходилось порой так подрабатывать... – закончила Наташа.

– А как она еще подрабатывала? Ну, курсовые пописывала, няней работала, а может, еще где?

– Больше нигде, – ответила Наташа. – А зачем? Я вообще говорила, что лучше бы она не работала няней. По ночам туда ездить! А я одна тут оставалась. Страшно...

Я невольно усмехнулась про себя. Насколько все-таки велика разница между двадцатидвухлетним и семнадцатилетним человеком. Пять лет – и целая пропасть в мировоззрении. Ранняя зрелость и трезвость взглядов с одной стороны – и детский эгоизм и полный наив, с другой. Что же все-таки у них за родители, неужели тоже настолько непосредственные, как их младшая дочь?

– Так ты не знакома с семьей, где Маша работала няней? – еще раз уточнила я.

– Нет, откуда же я могу их знать? – пожалала плечами Наташа. – Она же не брала меня с собой.

– А как она с ними познакомилась, не знаешь?

– Вроде бы по объявлению. Я особо не интересовалась...

– Наташа, может быть, ты все-таки знаешь кого-то из знакомых твоей сестры, кто мог прийти к ней для серьезного разговора?

– Ну... – Наташа задумалась. – У нее был в институте знакомый преподаватель, с которым она занималась дополнительно. К этим занятиям она всегда относилась серьезно. Но он это приходил или кто-то другой – понятия не имею. Наверное, вряд ли... Потому что с преподавателем она здесь не встречалась, по крайней мере никогда не слышала я об этом. Одно могу сказать вам точно – трудно даже представить, чтобы кто-то из знакомых Маши мог с ней так обойтись. Ужас просто! Я даже не представляю, кто это мог сделать!

– А скажи мне, Маша не могла сама свести счеты с жизнью? Или по неосторожности упасть с балкона?

– Нет, – Наташа еще больше испугалась.

– Ладно, извини, – тут же поправилась я. – В конце концов, экспертиза выяснит, как это произошло. А ты знакома с этим преподавателем? – перевела я разговор на другую тему.

– Я видела его только один раз, и то случайно, – сказала девушка. – Мы с Машей шли по городу, и он с нами поздоровался, они немного поговорили между собой. Маша сказала, что это и есть Антон Владимирович. Симпатичный такой мужчина, интеллигентного вида.

– Ты фамилию его не знаешь?

– Ой, вот нет. Про это я не спрашивала. Я поинтересовалась, не женат ли он, а Маше почему-то не понравился этот вопрос. Она еще съехидничала, что, мол, если хочешь ему понравиться, то зря – он в женщинах ценит в первую очередь ум, а я, дескать, еще сопливая и совсем ему не буду интересна. Я спросила – а ты? А она говорит – я с ним другими делами занимаюсь. И опять прикрикнула, чтобы я глупости не болтала. Как будто я одни глупости болтаю!

Я снова улыбнулась.

– Наташа, я обязательно приеду к вам в Аткарск на похороны Маши. Ты сможешь меня познакомить с теми, с кем она общалась, когда жила там?

– Я, конечно, смогу, – с готовностью отозвалась Наташа, – да только зачем это вам? Ведь Маша давно не общалась ни с кем из Аткарска, она уехала оттуда четыре года назад. Ну, остались там бывшие школьные подружки, Васька...

– Васька? – заинтересовалась я. – А это кто?

Наташа раскраснелась.

– Ну, считался ее женихом когда-то... Но это все просто смешно, они же еще в школе тогда учились. Давно забылось все.

– Ну хорошо, я разберусь, – взяла я себе на заметку полученную информацию. – А этот Васька будет на похоронах?

– Ой, я даже понятия не имею. Я сама его давно не видела. Но если что, я знаю, где он живет.

– А директора музея, коллекционера, ты знаешь?

– Алексея Николаевича? Знаю. Абрамов его фамилия, он недалеко от нас живет. А вы откуда про него знаете?

– Работаю, Наташа, работаю, – улынулась я. – Они с Машей не поддерживали отношения?

– Да нет. Я вообще не понимаю, зачем он вам нужен, они с Машей сто лет не встречались! Он уже старенький, что он вам может рассказать?

– Может быть, и ничего интересного. А может, наоборот, – рассудила я. – Так что посмотрим. А теперь я попрошу тебя дать мне ваш адрес в Аткарске.

Наташа продиктовала мне адрес своих родителей, и я заверила ее, что послезавтра утром буду на месте. Беспокоить соседей в столь поздний час я уже не решилась и отложила общение с ними, равно как и с милицией, на завтра.

Приехав домой, я сразу же достала кости.

Интересно, что скажут мои помощники?

4+36+17 – несмотря на трудности, ваши дела пойдут так, как надо.

Слишком общее и неконкретное предсказание? Если рассуждать поверхностно, то так оно и есть. Но ведь я привязана к своему делу и все рассматриваю сквозь совершенно определенную призму. И в этой связи я делаю для себя следующие выводы: я иду в правильном направлении, никаких радикальных, крутых шагов предпринимать мне не следует. Кости обещают трудности, но куда уж без них в нашей жизни? А успех все же придет.

Успокоившись насчет моих нынешних действий, я пошла на кухню сварить себе кофе. Было уже довольно поздно, но я так привыкла к кофе, что он уже не оказывал на меня обычного возбуждающего действия. Выпив его, я ни в коем случае не буду сидеть всю ночь и бодрствовать. Он мне нужен просто для поддержания своего обычного тонуса.

Так и случилось – через полтора часа после чашки кофе я уже спала. А встала довольно рано. На этот день у меня были намечены встречи с соседями Маши, с сотрудниками милиции и, наконец, поход в институт.

Начала я по стандарту. Ленивый звонок господину Мельникову в УВД. Такое же ленивое «алло» и произнесенное с рутинной, чуть обижающей меня интонацией «а-а!», когда Андрей узнал мой голос. Видать, интуиция у Мельникова в этот день работала хорошо. А может, просто, кроме случая с Гавриловой, в городе ничего другого интересного в криминальном плане не случилось... Андрей тут же передал трубку некоему Павлову, новому сотруднику, которому было поручено заниматься убийством Маши.

– Там как бы все, с одной стороны, ясно, а с другой – черт его знает, – туманно начал высоким тенорком невидимый мне Павлов.

– Это как понять? – спросила я, усмехаясь.

– Смерть наступила еще до падения с девятого этажа. Но перед тем как сбросить с балкона, девчонку зверски избивали. Похоже на бытовой скандал, но... С кем ей скандалить-то?

Вопрос, что называется, был в точку. С кем, действительно, ей скандалить? С кем отношения у Маши были настолько плохими, что могли вылиться в потасовку?

– А что говорят соседи? – спросила я.

– А ничего, – тут же ответил Павлов. – Ничего не видели, только слышали, как кричала Маша. Но слов разобрать было невозможно, да и кому это надо! У всех свои проблемы, сами понимаете.

– А с кем она скандалила?

– Если бы мы это знали, что-нибудь уже делали бы, – вздохнул Павлов. – Непонятно даже, мужчина у нее был или женщина. Соседи никого не видели. Покричали они, значит, примерно до одиннадцати вечера, потом все стихло, а наутро тело обнаружили на земле. Но никто никого не видел. Самого факта, я имею в виду. Соседи появились только в качестве понятых. Свидетели из них никакие.

– Понятно, – уныло констатировала я. – И что вы думаете делать?

– Связи прорабатывать, – стандартно ответил Павлов.

А что он еще мог сказать? Я занималась тем же самым – отработывала связи.

– Хотя у нее и связей-то... По сути, сестра да ухажер этот, Егор... Но его мы уже проверили, он с друзьями был, с Машей встречаться не собирался. Да и вообще он какой-то... – Павлов замолчал, подбирая слова. – В общем, меланхоличный какой-то.

– А экспертиза что интересного показала? – поинтересовалась я.

– Установили причину смерти, квалифицировали телесные повреждения, да и все...

– А всякие там дополнительные сведения?

– Никаких, – ответил Павлов. – Алкоголя в крови нет, равно как и следов наркотиков, изнасилования и беременности.

– То есть скандал был по-трезвому, – дополнила я.

– Значит, так, – согласился Павлов. – По словам сестренки, она вообще практически не пила и вела вполне добропорядочный образ жизни.

– Кстати, а вы не проверяли причастность работодателей? Я имею в виду ту семью, где она подрабатывала. Вы же, наверное, уже в курсе этого?

– Проверяли, но там, по-моему, все тоже тухло, – сказал Павлов. – Сидели дома всей семьей, муж только что с работы приехал, жена вообще дома постоянно. Ребенок маленький, сами понимаете, не свидетель.

Наступило молчание, и я поняла, что разговор исчерпал себя.

Оперативники ничем мне помочь не могут, сами находятся примерно в таком же положении, что и я. У меня, правда, в запасе были институтские знакомые Маши Гавриловой, коим, собственно, я и собиралась уделить сегодня время.

Окончив завтрак, я собралась, вышла из дома и поехала в педагогический институт. Этот вуз, не шибко престижный, слыл отстойником для сельских провинциалов губернии, которые, не в силах поступить в более приличные заведения, довольствовались высшим образованием, так сказать, низшего порядка, предоставляемым в стенах «педа». Так презрительно окрестила его самодовольная студенческая молодежь из других вузов.

Однако и здесь учились не одни только лишь дебилы, я лично была знакома с несколькими выпускниками этого славного заведения и могла гарантировать довольно высокий уровень преподавания в «пед».

Мой путь лежал на факультет иностранных языков, где и училась Маша Гаврилова. Я прошла по коридору и вскоре очутилась перед дверью в деканат.

Прямо на пороге, не давая мне пройти, вели оживленную беседу два джентльмена. Один, с благородной сединой и очками в руках, что-то доказывал другому, который выглядел не очень презентабельно и мял в руках вязаную шапочку с надписью «Спорт», однако тоже был убежден в своей правоте.

– Валерий Григорьевич, ты пойми, что так дела не делаются! – тряся очками, восклицал солидный.

– Нет, Николай Терентьич... Слушай меня внимательно! Дела делаются так, как ты и не знаешь... – возражал жиденьким тенорком человек с шапочкой.

Говорил он очень быстро, даже суетливо, поминутно вскидывая руку.

Спор затих, когда я, зайдя за спину Валерия Григорьевича, обратила свой выразительный взгляд на его благородного оппонента.

– Девушка, вы что хотели? – спросил Николай Терентьевич.

– Антона Владимировича можно увидеть?

– Его пока нет, скоро обещал быть.

И тут ко мне повернулся непрезентабельный Валерий Григорьевич.

– Антон Владимирович? А зачем он вам? Вы пришли устраиваться на курсы? – забросал он меня вопросами.

– Вообще-то нет, он мне нужен по другому делу, – возразила я, но Валерий Григорьевич, не слушая меня, продолжил:

– У меня есть свой метод. Метод корреляции. За месяц вы будете разговаривать, именно разговаривать, а не лепетать. Вот и Николай Терентьевич может подтвердить... А Антон хороший специалист, но... Я вам советую попробовать у меня.

Тут я по запаху поняла, что Валерий Григорьевич, мягко говоря, нетрезв.

– Антон – мой ученик! – хвастливо заявил он, беря меня за руку и увлекая в конец коридора. – Это я его учил, он еще у меня студентом был... Кстати, я не представился, – неожиданно произнес собеседник. – Жимов Валерий Григорьевич.

Мы уже дошли до подоконника в конце коридора, и Жимов остановился, продолжая свой рассказ об ученике:

– Антон, между прочим, талантливый человек. Сейчас его здесь нет, он должен скоро подойти. Но... Я вам скажу. – Он лукаво посмотрел на меня. – Антон большой охотник до женщин. Очень большой!

Он красноречиво смотрел на меня, словно желая еще раз доказать правдивость своего утверждения, а если говорить точнее, то предостережения. Я лишь пожала плечами и усмехнулась.

Жимов погрозил мне пальцем.

– А вот и не смейтесь. Вы не успеете оглянуться, как окажетесь в его донжуанских лапах...

И Валерий Григорьевич, обнажив прокуренные зубы, по-стариковски засмеялся.

– Все студентки от него без ума! – заявил он. – Когда-то все за мной бегали, а теперь за ним. Что ж, молодым везде у нас дорога. Но если вы пришли на курсы, то... я вам советую сначала попробовать у меня.

– Нет, я пришла не на курсы, – в конце концов вставила я свое веское слово. – Он мне нужен совсем по другому вопросу.

– Ах, вот оно что, – не смутился ни капельки Жимов. – Тогда тем более вам ничто не препятствует прийти на курсы. Вы английским насколько владеете?

– Ниже среднего, пожалуй, – слегка подумав, ответила я.

– Ниже среднего – это не уровень! – запальчиво воскликнул Жимов. – В нынешнем мире без английского совершенно невозможно. Абсолютно! – Он выбросил вперед руку, словно Ленин, призывавший к социалистической революции. – Так что приходите, вторник – пятница, в шесть часов...

Жимов подробно объяснил мне, куда, когда и зачем я должна приходиться, и снова принялся расписывать преимущества придуманного им метода корреляции.

Постепенно все это начало мне надоедать. Но тут, на мое счастье, из-за угла вывернул молодой человек со стильной бородкой, и его-то и окликнул Жимов:

– Антон!

И Валерий Григорьевич с приветливой улыбкой двинулся навстречу молодому человеку. Тот не был столь любезно настроен, как Валерий Григорьевич, и сдержанно поприветствовал его.

– А к тебе барышня, – видимо, желая его порадовать, сказал Жимов и кивнул в мою сторону.

Антон Владимирович тут же обратил все свое внимание на меня.

– Здравствуйтесь, – поздоровался он, приближаясь.

– Здравствуйтесь, – ответила я. – Меня зовут Татьяна, я частный детектив, – представилась я.

– Антон Владимирович Глазов, – сказал молодой человек. – А в чем дело?

Валерий Григорьевич же искренне недоумевал. Известие о том, что я частный детектив, повергло его в смущение, правда, ненадолго. Уже через несколько секунд он снова улыбался, несколько заискивающе, словно говоря – вот какую барышню, да еще частного детектива, я тебе привел.

Глазов тем временем оценивающе посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Жимова.

– А ты-то что, Валерий Григорьевич?

Жимов мелко заюлил, торопливо бормоча:

– Антон, у меня к тебе есть интересное предложение. Я уже с Николаем Терентьевичем разговаривал, он сказал... В общем, нужно обсудить... Когда у тебя есть время?

Глазов нахмурился, потом снова посмотрел на меня и ответил:

– Сейчас я с девушкой поговорю, потом рассмотрим твоё предложение.

Последние слова были сказаны таким тоном, будто Антон Владимирович заранее знал, что никакого интереса предложение Жимова не представляет и согласен он его обсуждать только из уважения к старому учителю. Впрочем, этот маловажный для меня эпизод тут же и закончился, поскольку Глазов предложил мне пройти в кабинет, около двери которого я и познакомилась где-то с полчаса назад со словоохотливым Валерием Григорьевичем.

Вскоре я уже сидела напротив Глазова, который, сняв верхнюю одежду, солидно расположился за своим рабочим столом.

– Вы знаете, что ваша студентка Маша Гаврилова трагически погибла?

– Что?! – Брови Глазова взлетели вверх.

– Да, её тело обнаружили утром.

– Но... А почему здесь никто не знает? – с широко раскрытыми глазами спросил Антон Владимирович.

– Вообще-то фотография в траурной рамке висит в вестибюле, – заметила я.

– Значит, я просто не обратил внимания. А, ну правильно, я же заходил не с центрального входа, – покачал головой совершенно растерянный преподаватель. – Но... Как это случилось? Кто это сделал?

– Если бы ответы на эти вопросы имелись, я бы не пришла к вам, – сказала я.

Подошедший Валерий Григорьевич пытался вклиниться в разговор, узнать, что случилось, но Глазов резко остановил его, попросив сидеть тихо и ни во что не вмешиваться. Жимов успокаивающе поднял ладони вверх и далее сидел как паинька.

– У меня к вам стандартные в данном случае вопросы, Антон Владимирович, – вздохнула я. – Что за отношения у вас были с Гавриловой, что вы знаете о её окружении и так далее...

– Отношения? – скептически пожал плечами Глазов. – Самые обычные, преподаватель – ученица. У Маши очень хорошо шел английский язык, я давал ей дополнительные задания, которые она сама просила. Несколько раз мы встречались вне стен института, вот и все.

– Извините за прямоту, но... Ничего выходящего за рамки этих отношений не наблюдалось? Поймите меня правильно...

– Ничего страшного, – перебил меня Глазов. – Ничего того, что вы имеете в виду, не наблюдалось. Вы что же, вздумали меня подозревать сразу же, да? – И тут же ответил на свой собственный вопрос: – Да-да, конечно, это же ваша работа, я понимаю... Но я ничем особо вам помочь не могу. Вы спрашивали про окружение? Но я мало что знаю, ведь я преподаватель, а она студентка... Вам бы поговорить с её подругами по группе.

В этот момент к столу Глазова подошел тот самый солидный товарищ по имени Николай Терентьевич и положил перед молодым преподавателем свернутую бумажку. На его вопросительный взгляд Николай Терентьевич коротко ответил:

– Просили передать.

Антон Владимирович развернул бумажку, прочитал, нахмурился и быстро свернул ее обратно.

– Так вот... Значит, вам нужно поговорить с подружками... Но сейчас, по-моему, – он взглянул на часы, – идут занятия, я не знаю, как вам лучше поступить...

Я заметила, что Антон Владимирович как-то занервничал и забеспокоился, причем наступило это аккурат после того, как он прочел послание от неизвестного мне персонажа. Но это в принципе могло ничего и не означать.

– Ну а все-таки, с кем мне лучше всего поговорить? – не отставала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.